УДК 398.324
ББК 82

Народная песня как «свидетель» этнической истории потомков столыпинских переселенцев

Елена Викторовна Миненок
(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН:
Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а)

Аннотация. *Статья основана на экспедиционных исследованиях, проведенных автором в д. Ахины Эхирит-Булагатского района Иркутской области в 2015 и 2017 гг., и посвящена проблеме динамики фольклорной традиции в ситуации переселения ее носителей из деревень Западного Полесья (Кобринского уезда Гродненской губернии, по современному территориально-административному делению — из Ивановского района Брестской области Республики Беларусь) в Восточную Сибирь по Столыпинской аграрной реформе (1906–1914). «Материнская» традиция сохранилась в песенных репертуарах первого поколения исполнителей, родившихся уже в сибирской деревне, однако ими одновременно были усвоены и новые музыкальные формы, с которыми они знакомились в процессе школьного образования. В молодежной среде детей переселенцев начиная с 30-х гг. XX столетия формировался запрос на исполнение народных песен в более упрощенном виде, образцы которого массово транслировались по советскому радио.*

Песни, записанные от первого поколения уроженцев д. Ахины, являются важнейшим источником для изучения утраченных на сегодняшний день диалектов, поскольку оказываются более консервативными, чем устная речь. В статье приводится пять песенных образцов, сохранивших в распетой речи характерные черты западнополесских говоров. Все приведенные песни имеют близкие варианты, опубликованные в академических сборниках украинских народных песен, что свидетельствует о том, что «материнская» традиция, привезенная переселенцами в Восточную Сибирь, имела существенный украинский субстрат.

Ключевые слова: *западнополесская фольклорная традиция, украинский музыкальный фольклор, белорусский музыкальный фольклор, западнополесские говоры, народная песня, динамика фольклорной традиции, столыпинские переселенцы в Восточную Сибирь.*

Дата поступления статьи: 1 августа 2022 г.

Дата публикации: 25 сентября 2022 г.

Для цитирования: *Миненок Е. В.* Народная песня как «свидетель» этнической истории потомков столыпинских переселенцев // Традиционная культура. 2022. Т. 23. № 3. С. 47–59.

DOI: https://doi.org/10.26158/TK.2022.23.3.003

В 2015 и 2017 гг. отдел фольклора Института мировой литературы РАН провел экспедиции в д. Ахины Эхирит-Булагатского района Иркутской области[1]. Эта деревня была основана в 1910 г. на левом берегу реки Куды (правый приток Ангары) переселенцами, приехавшими в Восточную Сибирь по Столыпинской аграрной реформе из соседствующих между собой села Лядовичи (белор. *Лядавічы*) и деревни Ополь (белорус. *Опаль*), которые на тот момент входили в Кобринский уезд Гродненской губернии Российской империи[2]. Местным населением были кудинские буряты, которые жили в нескольких километрах от переселенческой деревни[3]. В Государственном архиве Иркутской области в «Отчете за 1910 год заведующего Южно-Верхоленским переселенческим подрайоном» зафиксирован факт прибытия шестнадцати семей из Гродненской губернии на Пономарёвский переселенческий участок. В том же 1910 г. на том же участке было открыто Ахинское сельское общество [ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 195. Лл. 434, 451, 487].

Фольклорная традиция д. Ахины представляет особый интерес для исследователей с точки зрения наблюдения за динамикой фольклорной традиции и за процессом формирования новой этнокультурной идентичности у разных поколений потомков переселенцев[4].

Население Кобринского уезда на протяжении нескольких веков входило в различные государственные образования, и соответственно наименование этнического состава менялось в зависимости от территориальной принадлежности к тому или иному государству. После третьего раздела Речи Посполитой (1795) эти земли вошли в состав Российской империи[5]. Согласно переписи 1897 г., 79,6% населения уезда составляли украинцы. С 1920 по 1939 г. уезд был частью территории Польши, с 1939 г. вошел в состав СССР как часть Белорусской Советской Социалистической Республики, с 1991 г. является частью территории Республики Беларусь.

Об украинском фольклорном субстрате в бытовавшей на данной территории фольклорной традиции свидетельствует публикация в «Живой старине» восьми украинских песен (в русской орфографии), записанных в 1890 г. в с. Молодово Кобринского уезда Гродненской губернии [Сакович 1890]. Согласно современному территориально-административному делению, село это находится в том же Ивановском районе Брестской области, в нескольких десятках километров от «материнских» сел, откуда уехали переселенцы в 1910 г. Другой современный источник, во многом проясняющий историко-этническую ситуацию в данном регионе, — сборник текстов с аудиоприложением на DVD «Голоса с Берестейщины», изданный профессором-диалектологом

---

[1] Все упоминаемые в статье экспедиции были частично проведены на средства волонтеров некоммерческого фонда American Friends of Russian Folklore (в настоящее время — Partnership for Russian, East European, and Eurasian Folklore. URL: https://preeef.org), а также за счет гранта РГНФ за 2013–2015 гг., проект № 13–04–00373 «Динамика фольклорной традиции (сравнительный анализ фольклорных традиций в “материнских” селах России, Украины и Беларуси и в селах, образованных “столыпинскими” переселенцами)». Выражаю глубокую благодарность главе поселения Г. Д. Багаевой, директору Ахинской школы Н. Д. Багаеву, учителю математики Н. А. Багаевой и заведующей клубом Н. Б. Бадаевой за радушный прием и помощь в проведении экспедиционной работы. Все собранные материалы хранятся в Фольклорной коллекции отдела фольклора ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, фонд Е. В. Миненок за 2015 и 2017 гг. [ФК ИМЛИ. Папки «Иркутская область» и «Беларусь»]. В статье цитируются материалы, записанные в 2015 г., соответственно в Фольклорной коллекции они располагаются по следующим адресам: Фонд Миненок/2015/Иркутская область/Силич и Фонд Миненок/2015/Беларусь/Ополь. После каждой нотной расшифровки дается номер исходного файла.

[2] Согласно современному территориально-административному делению, с. Лядовичи и д. Ополь входят в состав Ивановского района Брестской области Республики Беларусь.

[3] Этнотерриториальная группа, составляющая часть бурятского этноса.

[4] Расхождения между этнонимами, используемыми населением или их ближайшими иноэтничными соседями и историческими данными, — характерное явление для переселенческих сел Восточной Сибири [Миненок 2019].

[5] В историографической литературе эта историческая область обозначается термином «Берестейщина» (Берестейская земля). В этнографической литературе — Западное Полесье.

Волынского университета Г. Л. Аркушиным [Аркушин 2012][6].

Современные жители д. Ахины считают себя потомками переселившихся белорусов, при этом одновременно они называют себя и сибиряками, потому что «язык уже не перевернуть», т.е. потому что утратили язык предков-переселенцев и стали говорить по-русски. Представление о белорусском происхождении жителей деревни утверждается в местных восточносибирских региональных музеях, в туристической ознакомительной литературе, в интернет-источниках[7] и во множестве местных официальных и самодеятельных культурно-массовых мероприятиях[8]. Таким образом, геополитический процесс закрепил этноним «белорусы», сделав его единым общеупотребительным для населения не только д. Ахины, но и для ряда других переселенческих деревень Эхирит-Булагатского и Баяндаевского районов: Тургеневки, Толстовки, Лидинска. Однако иноэтничное окружение (буряты и русские старожилы) называли переселенцев *хохлами*. Сами жители д. Ахины, поясняя отдельные слова в местных песнях, и сегодня говорят: *это по-хохляцки*.

Анализ сохранившейся фольклорной традиции в д. Ахины, представленной прежде всего ее музыкальными произведениями, свидетельствует о сложном этногенезе потомков переселенцев.

Жители рассказывают, что первое и второе поколения людей, уже родившихся в Сибири, были очень музыкальными. Практически в каждой семье были одаренные певцы и танцоры. В деревне танцевали «Подгорную», «Во саду ли», «Коробочку», «Яблочко», «Дустеп», «Лысый»[9]; плясали и под частушки, и под инструментальную музыку. Молодежные гулянья назывались *полянками*, они могли проводиться как в закрытых помещениях, так и на улице. На них в Ахины сходилась молодежь из соседних деревень (Байтога, Серафимовска, Тимошинска). Еще в 1960-е гг. зимой в клубе водили хороводы, если музыканты уставали играть. В деревне были свои гармонисты, балалаечники, скрипачи и барабанщики (так называли тех, кто умел хорошо *выстукивать* на бубне). Сохранилась даже частушка:

Барабани били,
Чимбали[10] іграли,
Ахінскіє хорошухи
Танцы поводали[11]

(Зап. от Марии Никифоровны Силич, 1925 г.р., урож. д. Ахины, г. Ангарск. Соб. Е. В. Миненок) [ФК ИМЛИ. ZOOM0202].

В 2015 г. в деревне существовал местный фольклорный ансамбль «Веснянкі» (восемь женщин в возрасте от 45 до 65 лет), репертуар которого состоял в основном из песен популярных народных хоров и песен литературного типа: «Тече вода в ярок», «Тыче вода коламутна», «Ехали казаки из дому до Дону», «Едет, едет морячок, аленькие губки», «Черный ворон», «Ой, калина, ой, малина, в речке талая вода», «За темными лесами чуть слышен голосок», «За окном черемуха колышется», «Волга-реченька глубока, бьет волною берега», «Под липою я ожидал тебя» и т.д. Певицы знают и исполняют

[6] Подробный обзор лингвистической и этнокультурной библиографии по изучению Полесья за последние десятилетия см.: [Толстая 2017].

[7] Так, статья Википедии, основываясь на словах местных жителей, утверждает, что деревня Ахины «основана в 1910 году переселенцами-белорусами»: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ахины (дата обращения: 23.07.2022).

[8] В Иркутской области работает региональная общественная организация «Иркутское товарищество белорусской культуры им. Я. Д. Черского», члены которой активно занимаются актуализацией белорусской культуры по всей области.

[9] Эти танцы появились в д. Ахины уже в послевоенные годы. Название танца «Лысый» произносят как *Лэсый*. На его танцевальный мотив пели слова:

Отчего ты, лысый,
Без волос остался?
Потому что рано
С девкам<и> занимался (Зап. от Марии Никифоровны Силич, 1925 г.р., урож. д. Ахины, г. Ангарск. Соб. Е. В. Миненок) [ФК ИМЛИ. ZOOM0195].

[10] *Чимбали* — цимбалы.

[11] *Поводали* — заводили.

жестокие романсы «Ночкой тихой, ночкой прохладной собирались подруги гулять», «Жил с женой я недавно, любовался ее красотой» и др. Отдельные исполнительницы помнят свадебную песню «Ни сладко горит лучина». Своеобразной визитной карточкой ансамбля можно считать популярную украинскую песню «Ой, що ж то за шум учинився, що й комар да на мухе оженився»[12], которая распевается на мелодию другой популярной песни — «Как родная меня мать провожала».

В исполняемых популярных украинских песнях певицы сохраняют характерные черты украинской фонетики: твердые [н], [д], [т], [л] перед гласными переднего ряда образования; переходы исторических *о* и *е* в [і] — *кінь*, *нічь*; протетические звуки перед гласными — *вулица*, *вокно*. В речи некоторые черты спорадически наблюдаются только у жителей пожилого поколения (1946 г.р. и старше), вместе с тем в речи среднего и старшего поколений сохраняются западнополесское оканье безударных гласных (т.е. различение *о* и *а* в предударной и заударной позициях), *ў* на месте *л* в глаголах прошедшего времени мужского рода и на месте *в* в позиции конца слова — *ходиў*, *Пономарёў*, сколько было *делоў*, а также твердое *ч* и отсутствие протетического *в*.

Самые возрастные певицы (1925–1930 г.р.) хранят в памяти замечательные образцы песенной традиции, усвоенные от поколения переселенцев. Эти певицы являются детьми тех детей, которые приехали в Восточную Сибирь с родителями в 1910 г., но слышали они старые песни от поколения своих бабушек-дедушек. Старинные песни певицы называют *белорусскими* и отличают от тех песен, которые стали петь позже: *«Даже и когда в школу мы ходили, уже мы советские песни пели, такие вот этот “Шел отряд по берегу, шел издалека”. <…> А старые люди пели, это наши* ***белорусские*** *были, они всё пели* ***белорусские****, а когда мы уже были, мы уже почему-то* ***белорусские*** *почти не пели, мы уже* ***русские*** *большинство пели»* (Зап. от М. Н. Силич). Самые пожилые певицы отмечали, что старинные белорусские песни очень сложные, а украинские легкие (подразумевая такие популярные песни, как «Тыче вода коламутна»), поэтому их и поют сегодня во время застолья.

Одной из выдающихся певиц д. Ахины является Мария Никифоровна Силич (1925 г.р.). Можно сказать, что в своей памяти она сохранила две музыкальные традиции: песни-воспоминания, усвоенные от старшего поколения переселенцев, и песни, которые исполняли в хорах художественной самодеятельности.

Мария Никифоровна многие годы участвовала в фольклорном ансамбле, который ездил с концертными выступлениями по всему району. Была даже попытка послать ее с частушками на выступление в Москву. Именно как частушечницу ее помнят односельчане: пятнадцатилетней девочкой она сочиняла частушки, высмеивающие фашистов и прославляющие советских солдат. В течение всей жизни на любом празднике она первая запевала частушки.

Интересна ремарка исполнительницы по поводу репертуара их ансамбля: «[Белорусские песни] *пели, но мало, больше* ***русские*** *пели,* ***украинские*** *пели, а* ***белорусские*** *нет, не пели, а* ***украинские, украинские.*** <Соб.: А откуда брали украинские?> *Ну,* ***украинские,*** *они в песенниках, кругом уже были. Вот мы пели эту* ***украинскую*** *“Ты черная, ты черна, ты цорная цыганка, за що ж ты полюбыла, за що ж ты полюбыла чернявого Иванка”».* Ее исполнение песен из репертуара ансамбля имеет все признаки советской художественной самодеятельности: замедление последней строки, нарочитое акцентирование диалектного произношения, произвольное искажение слов, имитирующее диалект.

В качестве примера своеобразного пограничного культурного положения первого поколения, родившегося у переселенцев уже в новой сибирской деревне, которому выпало жить между двумя эпохами, привожу рассказ Марии Никифоровны: *«В Паску как раз галстуки привезли. Ну, хто? Приходит — давайте в пионеры вступайте. Галстуки. Никто не идёт. А я думаю: а! Ну, и чо, повешу да и… Ну, и пошла я перва. Вступила. Потом со мной на парте сидела, тоже девочка вступила. И как раз у нас Родительский день после Паски в четверг. И мы пошли на кладбище*

[12] Песня входила в репертуар знаменитого русского эстрадного певца П. К. Лещенко (1898–1954), чьи записи были очень популярны в 1950–1960-е гг. в СССР.

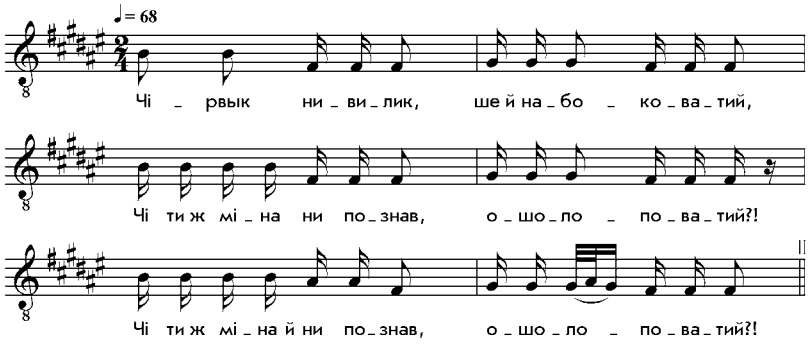
с этими галстуками <смеется>. *Ой, бабки: “Куда пришли! Повесили эти тряпки! Убирайтесь отсюда!” А я говорю: “А нам повесили, а мы чо?” — “Выбросьте их!” Ага, нам* (попадет. — *Е. М.*). *Еще зажим был, еще не завязывался, а зажим железный был у галстука*» [ФК ИМЛИ. ZOOM0187].

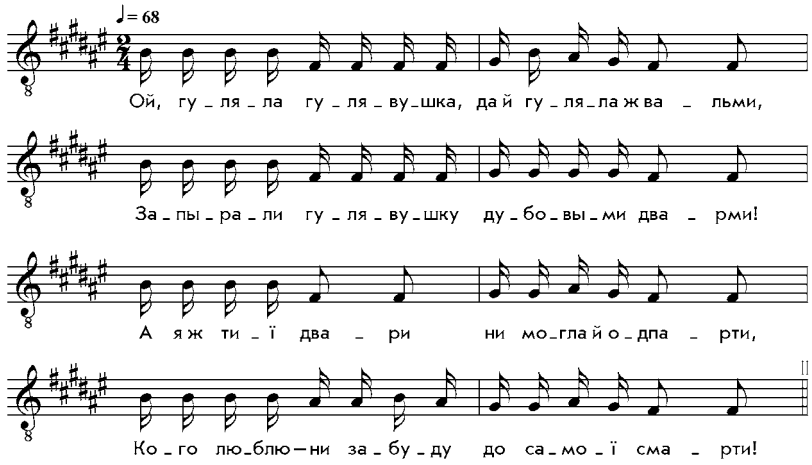
Все пожилые певицы, рассуждая о песнях, непременно отмечали два музыкальных пласта: как *по-старинному* и как *мы поем*. Мария Никифоровна, говоря о частушках, также упомянула, что раньше старые люди в деревне пели совсем иные *частушки*[13], и сразу же напела:

Чірвык нивилик, ше й набоковатий,
Чі ти ж міна ни познав, ошолоповатий?!
Чі ти ж міна й ни познав, ошолоповатий?![14]
(Ботинок небольшой, да еще и стоптанный набок,
Что ты меня не узнал, придурковатый?
Что ты меня не узнал, придурковатый?)
[ФК ИМЛИ. ZOOM0196].

Ой, гуляла гулявушка, да й гуляла ж вальми[15],
Запырали гулявушку дубовыми дварми!
А я ж тиї двари ни могла й одпарти,
Кого люблю — ни забуду до самої смарти!
[ФК ИМЛИ. ZOOM0198].

Западнополесский говор во множестве черт проявляется у исполнительницы только во время пения. В разговорной речи спорадически встречаются западнополесское оканье и отдельные диалектные слова.





[13] На Волыни и в Ровненской области Украины эти *частушки* известны как припевки под танцы.

[14] Расшифровка Л. В. Иванниковой.

[15] *Вальми* — очень.

Тот же тип песенной речи был зафиксирован в произведениях, перенятых Марией Никифоровной от взрослых переселенцев, которые были старше ее родителей[16]. По признанию певицы, старинные песни (белорусские) она выучила от людей. Ее дедушку по материнской линии (1878 г.р.) раскулачили и расстреляли в 1938 г. (реабилитирован в 1957 г.). После того как его вместе с женой увезли, их дочь (мать Марии Никифоровны) забрала себе младших сестер и братьев и перестала петь, потому что ее называли в деревне «кулацкая дочь». Мария Никифоровна признается: *«Ну, я уже сама по себе, я любила петь, я вообще с детства, я маленькая, еще отец был живой, я уже чего-нибудь, где услышу, кто-то где-то поет, и я себе. Я с маленькой пела»* [ФК ИМЛИ. ZOOM0171].

Публикуемые ниже пять музыкальных произведений являются не только высокохудожественными образцами традиционной песенной лирики, но и представляют собой уникальный источник по изучению диалектных черт, исчезнувших из современной речи жителей д. Ахины[17].

На особое значение песен для изучения диалектов обратил внимание выдающийся фольклорист П. Г. Богатырев [Богатырев 1962]. Так, в песнях М. Н. Силич проявляются черты западнополесской группы говоров, которые разные исследователи относят к диалектам белорусского или украинского языков, при этом подчеркивая переходный характер упомянутой группы говоров от белорусских говоров к говорам северного украинского наречия [Судник 1990, Никончук 2000].

1. Ой, а в вдовы да й один син, да й ни дав Біг доли[18]

1. Ой, а в вдовы[19] да й один син, да й ни дав Біг доли.
Выйшов за ворота, стоїть єк сирота,
2. Нихто ж його й ни займає[20], бо доли ни має.
— Продай, матко, й конє й вороного,
3. Да й ожини ж, мати, сина, сина й молодого.
— Шкода[21], синку, ой, конє й продавати!
4. Записали й маланького в салдати й оддати.
— Нихай пишуть, то я й ни боюся:
5. Кінь вороний, сам молодей, то я й выслужуся.
Служба ж моє, служба, желєзниє місти[22],

[16] Оба родителя Марии Никифоровны родились в 1901 г. в селе Лядовичи, приехали в Восточную Сибирь со своими родителями, бабушкой и дедушкой в возрасте девяти лет.

[17] В 2015 и 2017 гг. автор статьи провела экспедиционные исследования в «материнских» селах ахинских переселенцев — с. Лядовичи и д. Ополь (Республика Беларусь). Собранный материал показал, что в упомянутых селах также сменился песенный репертуар. Однако местные певцы и певицы сразу же опознали песни, записанные от М. Н. Силич, как *свои*, только давно забытые, слышанные в далеком детстве. Характерные черты песенной речи, зафиксированные в песнях Марии Никифоровны, присутствуют и в современных записях, сделанных в «материнских» селах в 2015 г., например: [а] на месте [е], гласный [и] пропевается как близкий к [е] после [д] и [н]:

А в саду, в саду пава ходела,
Щодрый вачор, пава ходела.
Пава ходела, пір'є ронела,
Щодрый вачор, пір'є ронела

(Зап. от Т. В. Упировец (женский голос) и А. П. Карповича (мужской голос). Соб. Е. В. Миненок) [ФК ИМЛИ. Фонд Миненок/2015/Беларусь/Ополь/ZOOM0014]. Сохраняется диалект и в устной речи: *двари, траба.*

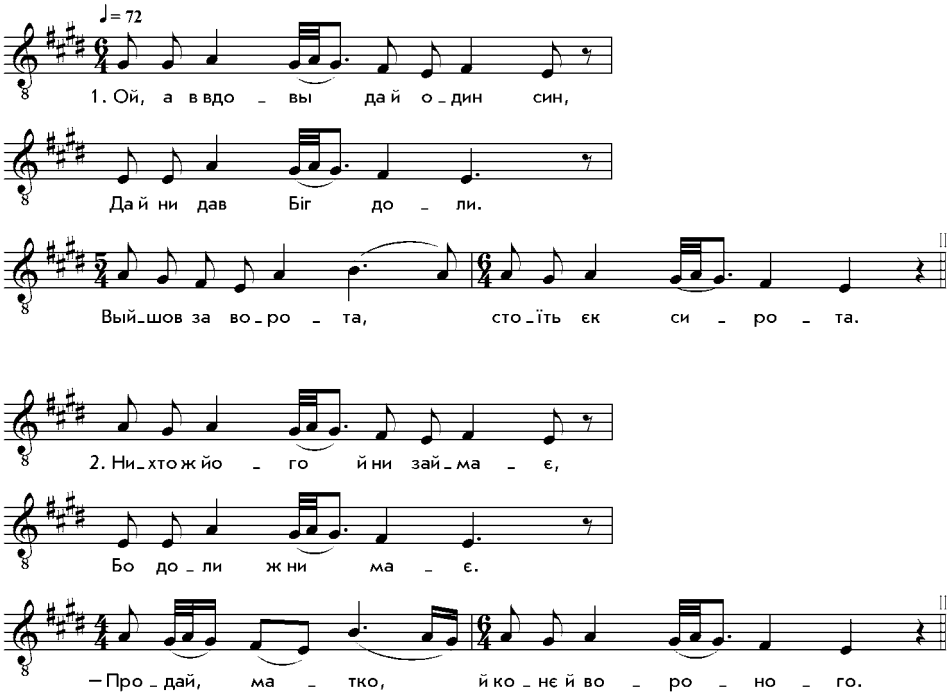
[18] Выражаю глубокую благодарность кандидату филологических наук фольклористке Л. В. Иванниковой (Людмила Іваннікова) за редактирование расшифровок песенных текстов с соблюдением норм украинской орфографии и за помощь в подборе библиографических источников. Все нотные расшифровки, а также строфическое деление песен выполнены научным сотрудником Научного центра народной музыки им. К. В. Квитки Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского Л. П. Маховой.

[19] Буквой *ы* обозначается гласный звук, близкий к дифтонгу *уи*. Он особенно хорошо слышен после губно-губного [в]. Несмотря на то что в украинском алфавите нет такой буквы, она употребляется украинскими этномузыкологами для песен, записанных в западной части Украины (например, территория Закарпатья и Львовская область) [Фольклорні матеріали 1998].

[20] *Ни займає* — не трогает; переносное значение — не обращает на него внимания.

[21] *Шкода* — жаль.

[22] *Місти* — мосты.



7. Ни одного ж салдатика валєются ж кости.
Ворон прилитає, смарти дожидає,
8. Біли[23] ж мнєсо[24] й оббырає, костей покидає,
Біли ж мнєсо й оббырає, костей покидає[25]
[ФК ИМЛИ. ZOOM0179, ZOOM0180].

В этой рекрутской песне в редуцированном виде сохраняется важный для казачьих песен мотив: воин должен явиться в войско вместе со своим конем. Для восточнославянских песен формулой сироты («вдовий сын») является человек «без доли». Очень часто в песнях «без доли» обозначает не только сиротство, но и холостяцкую (незамужнюю) жизнь, которая противопоставляется счастливой семейной жизни. Альтернативой такой одинокой жизни («без доли») является солдатская служба. Так, согласно логике песни, у вдовьего сына только один путь — записаться в солдаты, и мать знает, что другого выхода у ее сына нет. Соответственно дело не в том, что мать жалеет продать коня и дать сыну деньги на свадьбу, она сохраняет коня для сына, потому что он неизбежно окажется на солдатской службе (его «записали в солдаты»).

Близкие варианты опубликованы в академическом издании украинских рекрутских и солдатских песен, один из которых был записан знаменитым историком Н. И. Костомаровым в 1844 г. в западной части Волынской губернии. Вот фрагмент этого варианта:

— Продай, тату, коня,
Коня вороного,
Ой, одружи[26], одружи
Мене молодого.
— Шкода, синку, коня,
Шкода продавати:
Пишуть чорне по білому,
Хотять тебе взяти!
— Нехай вони пишуть, —
А я їх не боюся:
Кунь вороний, сам молодий —
Єще вислужуся!
[Рекрутські та солдатські пісни 1974, 70, 572].

[23] *Біли* — белы.
[24] *Мнєсо* — мясо.
[25] Комментарий Марии Никифоровны: «А тоже всё свекроўка пела».
[26] *Одружи* — пожени.

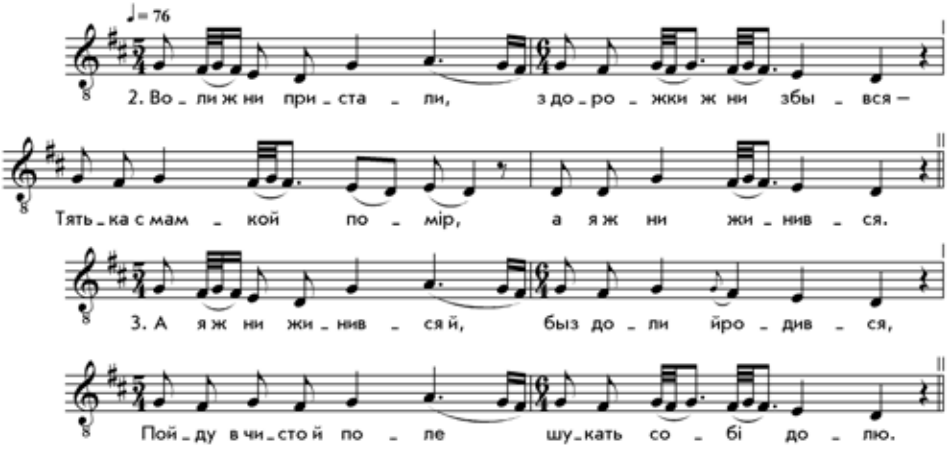
В приведенном фрагменте речь идет уже не о вдовьем сыне, однако отец все равно отказывается продавать коня, потому что сыну *предуготована* солдатская служба.

В д. Ахины знали и чумацкие песни, одну из них запомнила Мария Никифоровна. В этой песне также присутствует мотив обездоленности, который расшифровывается как одинокая, холостяцкая жизнь («пароньку й ни маю»).

2. Чого зажурився, молодий чумачок[27]

1. Чого зажурився, молодий чумачок:
Чі воли прістали[28], чі з дорожки збывся?
2. Воли ж ни пристали, з дорожки ж ни збывся —
Тятька с мамкой помір, а я ж ни жинився.
3. А я ж ни жинився й, быз доли й родився,
Пойду в чисто й поле шукать[29] собі долю.
4. Ни нашов я долю, й нашов риболовцю:
— Риболовци-хлопци, й роздобри й молойци,
6. Закідайта сєті чєрєз быстріє рєкі
Да й споймайта долю хлопцю й молодому.
7. Ни споймали ж долю, й а споймали щуку,
Щука ж риба вграє — собі й пару має,
8. А я ж, молоданькій, пароньку й ни маю[30]
[ФК ИМЛИ. ZOOM0176].

Вариант приведенной ниже баллады о проклятии речки в наказание за то, что она утопила милого[31], имеет интересный сюжетный ход: речка также проклинает и девушку — желает, чтобы она никогда не вышла замуж. Оба проклятия: *шоб*



[27] Нотация дана со второй строфы, так как первая строфа звучит неустойчиво. По словам Марии Никифоровны, это старый мотив, *как старые пели*. Позже стали петь по-другому, *по-молодежному*.

[28] *Прістали* — утомились, устали. После сонорных [л], [н], [р] гласный [и] пропевается как близкий к [е].

[29] *Шукать* — искать.

[30] Близкие варианты опубликованы в украинских сборниках. См., например: [Чумацькі пісні 1989, 54–55, 123].

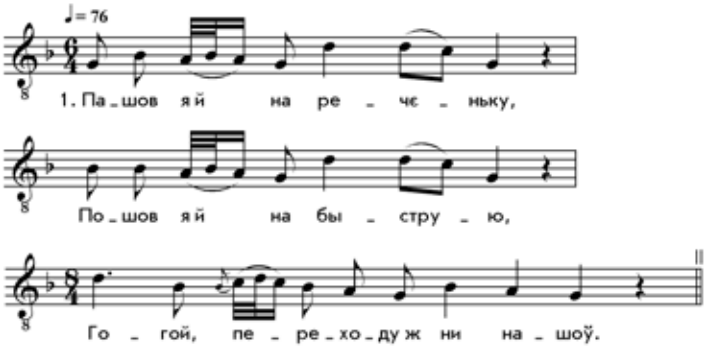
[31] Мотив проклятия речки за смерть утонувшего возлюбленного чрезвычайно распространен в украинских песнях, записанных в Черновицкой, Ровненской и Винницкой областях. См., например: [Ефремова 2010, 173; Балади 1987, 176–177]. В комментарии к академическому изданию украинских баллад составители отмечают: «Сюжет про несподіване втоплення козака (чорноморця, милого) дуже розгалужений, характеризується великою кількістю варіантів, серед них понад 70 друкованих. Баладу зустрічаємо серед записів З. Доленги-Ходаковського з 1810-х років, і з того часу аж до сьогодні її записують збирачі фольклору на всій українській етнічній території» (Сюжет о неожиданном утоплении казака (черноморца, милого) очень разветвленный, характеризуется большим количеством вариантов, среди которых более 70 печатных. Балладу встречаем среди записей З. Доленги-Ходаковского с 1810-х гг., и с тех пор до настоящего времени ее записывают собиратели фольклора на всей украинской этнической территории) [Балади 1987, 441]. Перевод Е. В. Миненок.

чиродом заросла и *шоб ти замуж ни пошла* — в контексте данной песни синонимичны, их смысл заключается в пожелании друг другу полного исчезновения, т.е. смерти, так как разросшийся камыш *(чирод)* будет означать ослабление течения быстрой речки, ее постепенное превращение в болото, а незамужество девушки лишит ее потомства, продолжения рода.

3. Пашов я й на речєньку
1. Пашов я й на речєньку,
Пошов я й на быструю,
Го-гой, переходу ж ни нашоў.
2. А й нашоў я кладочку,
Положив на жордочку,
Да й, да й по кладоцци й пошов.
3. Кладочка схилилася[32],
Жьордочка зламылася,
Го-гой, да й молодчик затонуў.
4. — Бодай[33] тиба, рєчєнько,
Бодай тиба, быстрая,
Го-гой, шоб чиродом[34] заросла!
5. — Бодай тиба, дєвчино,
Бодай тиба, рибчино,
Го-гой, шоб ти замуж ни пошла!
6. А й за шо ж ти рєчєньку,
Да за шо ж ти й быструю,
Го-гой, так сердито й закляла?
7. — А шо ж мого й милого,
За що й мого любого,
Го-гой, до Дунаю занесла?
[ФК ИМЛИ. ZOOM0202].

Следующая баллада также является общераспространенной на территории Украины и в пограничных с ней зонах [Соціально-побутові пісні 1985, 125–127].

4. Поїхав наш Сєнька да й во поле горати
1. Поїхав наш Сєнька да й во поле горати,
Його жинка молодая й на всю ніч гуляти,
Його жинка молодая й на всю ніч гуляти,
2. Єк горав жа й наш Сєнька, догорався до краю —
Усі жьони обід нисуть, а маї ж нимає,
Усі жьони обід нисуть, а маї ж нимає,
3. Єк горав жа наш Сєнька, догорався й до краю —
Пустив коней во дуброву, сам пошов додому,
Пустив коней во дуброву, сам пошов додому.
4. Єк зайшов жа наш Сєнька, да й до новыї хати,
Спрашиває у дитішок: Ай да ж наша мати?
Спрашиває у дитішок: Ай да ж наша ль мати?
5. — Ай, пошла ж наша мати да й у ліс по тілята,
Нам казала й, говорила, шо ми сіротята,
Нам казала й, говорила, шо «вы сіротята»,
6. Єк пошов жа нащ Сєнька, да й до новыї скрыні —
Нима злота, нима срєбра, й нима ж Катірини,
Нима злота, нима срєбра, нима й Катірини.
7. Ой, ударьтє ж ви, вєтри, да й узвєйтє, морози,
Замарозьтє Катєріну за сіротски сльози,
Заморозьтє Катєріну за сіротски сльози
[ФК ИМЛИ. ZOOM0200].



[32] *Схилилася* — наклонилась.
[33] *Бодай* — чтоб.
[34] От белорус. *чарот* — камыш.

♩= 86

1. По _ ї _ хав наш Сє _ нька

да й во по _ ле го _ ра _ ти,

Йо _ го жи _ нка мо _ ло _ да _ я й на всю ніч гу _ ля _ ти,

Йо _ го жи _ нка мо _ ло _ да _ я й на всю ніч гу _ ля _ ти.

Варіант запева:

2. Єк го _ рав жа й наш Сє _ нька,

Мария Никифоровна вспомнила и свадебную песню, которую пели, когда жених приходил в дом невесты «молодую брать».

5. Таща зетя злякалася

Таща зєтя злякалася,
В новы свырон[35] сховалась.
Ни лякайс, тащо, й ни лякайс, тащо, зєтя.
Да й храни, тащо, да й храни, тащо, зєтя —
Бо гато ж він для твого дитєтя.
(Теща зятя испугалась,
В новый амбар спряталась.
Не бойся, теща, не бойся, теща, зятя.
Да й храни, теща, да й храни, теща, зятя —
Ибо это для твоего дитя.
[ФК ИМЛИ. ZOOM0182, ZOOM0183].

Анализ песен, записанных от первого поколения людей, родившихся уже в Сибири, показывает, что диалект переселенцев сохранился не в устной речи, а в распетой устной речи. В случае записей от самых пожилых уроженцев д. Ахины это следующие черты западнополесских говоров:

1) Переход [ê] в [і]: обід, ліс.

2) Переход [е] в [а]: траба, гато, молоданький, маланького, вальми, одпарти, дварми.

3) Переход [о] в [і] в закрытом слоге: [к’ ін’], [Б’іг].

4) Переход [а] в [е]: єк, конє, моє, зєтя, валєются, дитє.

5) Наличие протетических /г/: гой.

6) Наличие сочетания [мн’] перед гласной [є]: [мн’є] — мнєсо.

Таким образом, распетая речь вследствие своей особой консервативности оказывается важным инструментом для изучения этногенеза различных переселенческих групп.

Диалект в певческой речи исчез вместе с заменой местного песенного репертуара прежде всего по причине того, что у местной молодежи возник массовый интерес к более простым (как в отношении вербального, так и ритмико-мелодического уровня) музыкальным произведениям, которые регулярно транслировались по радио в исполнении популярных народных хоров и отдельных певцов. Этот интерес также был мотивирован исполнительским запросом первого поколения уроженцев сибирской деревни на *новые* музыкальные формы, которые существенно отличались своей «*понятностью*» от «*непонятных*» старых песен, привезенных из далеких полесских деревень поколением родителей-переселенцев. Происходило постепенное отчуждение от «материнской» певческой традиции и освоение новой музыкальной

[35] Только несколько самых пожилых людей смогли объяснить значение этого слова. Эта лексема является балтизмом от литовского *swiren, swiron* — клеть для зерна, амбар, см.: «литв. зап. амбар» [Даль 1991, 150].

♩= 86

Та _ ща зэ _ тя зля _ ка _ ла _ ся,

та _ ща зэ _ тя,

Та _ ща зэ _ тя зля _ ка _ ла _ ся,

в но _ вый свы _ рон сха _ ва _ лась.

Вариант 1:

Ни ля_кайс, та _ що, й ни ля_кайс, та _ що,

зэ _ тя,

Бо га _ то ж він для сво_го ды _ тэ _ тя.

Вариант 2:

Ни ля_кайс, та _ що, зэ _ тя,

да й хра_ны ж, та _ що, зэ _ тя,

бо свой _ о _ му ды _ тэ _ те.

Вариант 3:

Ни ля_кайс, та _ що, й ни ля_кайс, та _ що,

зэ _ тя,

Да й хра_ны, та _ що, зби_ри_жи, та _ що,

бо свой_о _ му ды _ тэ _ тю.

традиции, которая воспринималась молодежью, родившейся в Сибири, уже как *своя*. Процесс этот начался с середины 30-х гг. XX столетия.

Вместе с тем у местных исполнителей вплоть до настоящего времени сохраняется запрос на владение этническим песенным репертуаром, который, по мнению старшего поколения певиц, состоит из украинских песен, а по мнению среднего поколения — из белорусских. Источником пополнения данного репертуара становится Интернет, а также концерты и мастер-классы участников Иркутского товарищества белорусской культуры им. Я. Д. Черского.

Источники и материалы

Аркушин 2012 — *Аркушин Г.* Голоси з Берестейщини: (Тексти). Луцьк: Волин. нац. ун-т ім. Лесі Українки, 2012. 536 с. + електрон. опт. двосторон. диск (DVD).

Балади 1987 — Балади. Кохання та дошлюбні взаємини / Упоряд. О. І. Дей, А. Ю. Ясенчук (тексти), А. І. Іваницький (мелодії). Київ: Наукова думка, 1987.

ГАИО — Государственный архив Иркутской области.

Даль 1991 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. IV. М.: Русский язык, 1991.

Ефремова 2010 — Частотний каталог українського пісенного фольклору. Ч. 2: Антологія-хрестоматія. Київ: Наукова думка, 2010.

Никончук 2000 — *Никончук М. В.* Північне наріччя // Українська мова: Енциклопедія. Видання друге, виправлене і доповнене. Київ: Українська енциклопедія, 2004. С. 482.

Рекрутські та солдатські пісни 1974 — Рекрутські та солдатські пісни / Упоряд. А. А. Іоаніді, О. А. Правдюк. Київ: Наукова думка, 1974.

Сакович 1890 — Песни крестьян села Молодова, Гродненской губ., Кобринского уезда. Записала М. А. Сакович // Живая старина. 1890. Вып. I. II отдел. С. 5–9.

Соціально-побутові пісні 1985 — Соціально-побутові пісні / Упоряд. и передм. О. М. Хмілевської. Київ: Дніпро, 1985.

Судник 1990 — Белорусский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.

Толстая 2017 — *Толстая С. М.* Этнолингвистическое изучение Полесья. 1995–2016 гг.: (Обзор) // Slověne. 2017. № 2. С. 686–706.

ФК ИМЛИ — Фольклорная коллекция отдела фольклора ИМЛИ им. А. М. Горького РАН.

Фольклорні матеріали 1998 — Фольклорні матеріали з отчого краю. Упоряд. Василь Сокіл, Ганна Сокіл (тексти), Лариса Лукашенко (мелодії). Львів: Інститут народознавства НАН України, 1998.

Чумацькі пісні 1989 — Чумацькі пісні. Упоряд. та передм. А. І. Іваницького. Київ: Музична Україна, 1989.

Исследования

Богатырев 1962 — *Богатырев П. Г.* О языке славянских народных песен в его отношении к диалектной речи // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 75–86.

Миненок 2019 — *Миненок Е. В.* Динамика фольклорных традиций в «украинских» и «белорусских» переселенческих селах Восточной Сибири // III Всерос. конгресс фольклористов. Т. IV: Российская фольклористика в XXI веке. Перспективы развития. М., 2019. С. 531–537.

© Е. В. Миненок, 2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Миненок Е. В. https://orcid.org/0000-0001-9361-5802

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького: Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а; тел.: + 7 (495) 697-13-89; e-mail: trewsd@yandex.ru

A Folk Song as a 'Witness' to the Ethnic History of the Descendants of Stolypin Migrants

Yelena V. Minyonok
(A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences:
25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation)

Summary. *The article is based on expedition research conducted by the author in the village of Akhiny, Ekhirit-Bulagatsky district, Irkutsk region in 2015 and 2017. It examines the dynamics of folklore tradition following the migration of its bearers from the villages of Western Polesie (Kobrin district of Grodno province, which according to modern territorial and administrative division is Ivanovo district, Brest province, Republic of Belarus) to Eastern Siberia because of the consequences of the Stolypin agrarian reform (1906–1914). The 'maternal' tradition was preserved in the song repertoire of the first generation of performers who were born in a Siberian village but they simultaneously assimilated new musical forms, which they got acquainted with during their school education. Since the 1930s, when the Stolypin migrants' children were growing up, they liked folk songs to be performed in a more simplified form, samples of which were broadcast to a mass audience via Soviet radio.*

Songs recorded from the first generation of the natives of Akhiny village are the most important source for the study of dialects that have been lost to date. Fortunately, folk songs have turned out to be more conservative than oral speech. The article presents five song samples (with notations) that have preserved the characteristic features of Western Polesie dialects in the singing speech. All five songs are closely resemble the variants published in academic collections of Ukrainian folk songs, which indicates that the 'maternal' tradition carried by Stolypin migrants to Eastern Siberia between 1906–1916 had a significant Ukrainian substrate.

Key words: *Western Polesie folklore tradition, Ukrainian musical folklore, Belarusian musical folklore, Western Polesie dialects, folk song, dynamics of folklore tradition, Stolypin migrants in Eastern Siberia.*

Received: August 1, 2022.

Date of publication: September 25, 2022.

For citation: Minyonok Ye. V. A Folk Song as a 'Witness' to the Ethnic History of the Descendants of Stolypin Migrants. *Traditional Culture.* 2022. Vol. 23. No. 3. Pp. 47–59. In Russian.

DOI: https://doi.org/10.26158/TK.2022.23.3.003

References

Bogatyrev P. G. (1962) O yazyke slavyanskikh narodnykh pesen v ego otnoshenii k dialektnoi rechi [About the Language of Slavic Folk Songs in Its Relation to Dialect Speech]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics]. 1962. No. 3. Pp. 75–86. In Russian.

Minyonok Ye. V. (2019) Dinamika fol'klornykh traditsii v "ukrainskikh" i "belorusskikh" perese-lencheskikh selakh Vostochnoi Sibiri [Dynamics of folklore traditions in "Ukrainian" and "Belarusian" migrants' villages of Eastern Siberia]. In: III Vseros. kongress fol'kloristov. T. IV: Rossiiskaya fol'kloristika v XXI veke. Perspektivy razvitiya [III All-Russian Congress of Folklorists. Vol. IV: Russian Folklore Studies in the 21st Century. Perspectives of Development]. Moscow. Pp. 531–537. In Russian.

© Ye. V. Minyonok, 2022

ABOUT THE AUTHOR

Yelena V. Minyonok https://orcid.org/0000-0001-9361-5802
E-mail: trewsd@yandex.ru
Tel.: + 7 (495) 697-13-89
25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation
PhD in Philology, Senior Researcher of the Folklore Department, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)